

МИШЕЛЬ УЭЛЬБЕК
ПЛАТФОРМА

РОМАН

Перевод с французского
Ирины Радченко

издательство **аст**

москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
У98

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Уэльбек, Мишель.

У98 Платформа : роман / Мишель УЭЛЬБЕК; пер. с фр. И. РАДЧЕНКО. — Москва :
Издательство АСТ : CORPUS, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-17-157839-8

После смерти отца Мишель, утративший вкус к жизни госслужащий на пороге сорокалетия, отправляется в Таиланд, чтобы побаловать себя экзотическими удовольствиями. Там он знакомится с Валери, сотрудницей крупной туристической компании, и делится с ней своей теорией об истинных мотивах европейцев, ищущих острых ощущений. Оказавшись втянутым в борьбу за прибыль любой ценой, Мишель цинично рассматривает западное общество, которое с невиданным доселе успехом превращает человеческое тело в товар. Возможно, он удивится, когда обнаружит, что люди по-прежнему способны на чувства...

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-157839-8

- © Michel Houellebecq & Editions Flammarion, Paris, 2001
- © И. Радченко, наследники, перевод на русский язык, 2003
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2023
- © ООО “Издательство АСТ”, 2023
Издательство CORPUS ®

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
ТРОПИК ТАЙ	9
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
КОНКУРЕНТНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО	135
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
ПАТТАЙЯ-БИЧ	323

Чем гнуснее жизнь человека, тем сильнее
он к ней привязывается; он делает ее
формой протеста, ежеминутной мезтью.

ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ТРОПИК ТАЙ

1

Год назад умер мой отец. Существует теория, будто человек становится *по-настоящему взрослым* со смертью своих родителей; я в это не верю — *по-настоящему взрослым* он не становится никогда.

Когда я стоял у гроба старика, в голову лезли разные гадкие мысли. Старый хрен умел устраиваться, пожил в свое удовольствие. “Ты трахал девок, дружок, — распалил я себя, — ты засовывал моей матери между ног свою здоровенную штуку”. Само собой, я был на нервах: не каждый день хоронишь родных. Я не видел его мертвым, отказался. К сорока годам я уже достаточно насмотрелся на покойников и теперь предпочитаю этого избегать. Я и домашних животных потому никогда не заводил.

И не женился тоже. Возможности предоставлялись — хоть отбавляй, но я всякий раз уклонялся. А ведь я люблю женщин. Свое холостяцкое житье воспринимаю скорее с сожалением. Особенно на отдыхе неуютно. Когда мужчина в определенном возрасте отдыхает один — это настораживает: невольно думается,

что он эгоист, к тому же, наверное, порочный; и возразить мне тут нечего.

С кладбища я вернулся в дом, где отец прожил последние годы. Прошла неделя с тех пор, как обнаружили тело. В углах комнат и вдоль шкафов уже скопилось немного пыли; край одного из окон затянулся паутиной. Время медленно вступало в свои права, а с ним энтропия и все такое. Холодильник оказался пуст. В шкафах на кухне лежали в основном пакетики готовых обедов для регулирования веса *Weight Watchers*, коробочки ароматизированных протеинов, энергетические батончики. Жуя печенье с магнием, я прошелся по комнатам первого этажа. В котельной немного поупражнялся на велотренажере. В свои семьдесят с гаком отец был куда крепче меня физически. Час интенсивной гимнастики ежедневно, бассейн два раза в неделю. По выходным он играл в теннис и выезжал на велосипеде со сверстниками; кое-кто из них пришел проститься с умершим. “Мы все на него равнялись!.. — воскликнул пожилой гинеколог. — Он был на десять лет старше, а вверх по двухкилометровому склону минуту форы нам давал”. Ах, отец, отец, сказал я себе, до чего же ты был тщеславен! Краем глаза я видел слева силовую скамью и гантели. Воображению представился болван в шортах, с безнадежным упорством напрягающий свои грудные мышцы; лицо морщинистое, а в остальном до крайности похоже на мое. Отец, сказал я себе, отец, ты построил свой дом на песке. Я продолжал крутить педали, но дышал уже тяжело, и ляжки побаливали, хотя выше первого уровня я не поднялся. Перед глазами стояла траурная церемония: я сознавал, что произвел прекрасное впечат-

ление. Я узкоплеч, всегда чисто выбрит; годам к тридцати начав лысеть, стригусь с тех пор очень коротко. Костюмы ношу обычно серые, галстуки неброские и вид имею невеселый. И так — почти безволосый, насупленный, очки в тонкой оправе, голова чуть опущена — я слушал весь ассортимент похоронных песнопений и чувствовал себя как рыба в воде — куда непринужденней, чем, скажем, на свадьбе. Поистине, похороны — это мое. Я перестал крутить педали, откашлялся. На окрестные луга ложилась ночь. Рядом с бетонным фундаментом котла бурело на полу плохо отмытое пятно. Здесь отца нашли с пробитым черепом, в шортах и толстовке *I love New York*. По заключению судмедэксперта, смерть наступила за три дня до этого. Приписать ее несчастному случаю можно было только с большой натяжкой: поскользнулся, скажем, в лужице мазута или не знаю чего. Впрочем, пол был совершенно сух, а череп пробит в нескольких местах, даже мозг немного вытек — все указывало скорее на убийство. Вечером ко мне должен был заехать капитан Шомон из шербурской жандармерии.

Я возвратился в гостиную и включил телевизор *Sony* формата 16/9 с диагональю экрана 82 см, объемным звуком и встроенным DVD-проигрывателем. На канале TF1 шла “Зена — королева воинов” — один из моих любимых сериалов; две мускулистые девицы в металлических лифчиках и кожаных мини-юбках размахивали саблями. “Твоему царствованию, Таграта, приходит конец! — провозглашала брюнетка. — Я Зена, воительница из Западных Степей!” Тут в дверь постучали; я уменьшил звук.

На улице совсем стемнело. Ветер тихо раскачивал деревья, стряхивая с мокрых веток дождевые капли. В дверях стояла девушка североафриканского типа лет двадцати пяти. “Меня зовут Аиша, — сказала она. — Я убиралась у месье Рено два раза в неделю. Я пришла забрать вещи”.

“Что ж... — сказал я, — что ж...” И вместо приглашения войти чуть повел рукой. Она вошла, скользнула взглядом по экрану телевизора: воительницы теперь сражались врукопашную у самого кратера вулкана; некоторых лесбиянок подобное зрелище, наверное, возбуждает. “Извините, что беспокою, — сказала Аиша, — я на пять минут”.

“Вы меня не беспокоите, — ответил я, — меня на самом деле ничего не беспокоит”. Она покивала головой, словно бы что-то поняла, и посмотрела мне в лицо: должно быть, сравнивала с отцом и, возможно, пыталась через внешнее сходство уловить внутреннее. Через несколько секунд она развернулась и стала подниматься на второй этаж, где помещались спальни. “Не торопитесь, — проговорил я сдавленно, — сколько нужно, столько и оставайтесь...” Она не ответила, не замедлила шаг; может быть, она меня даже и не слышала. Я опустил на диван, обессиленный тем, как она меня разглядывала. Надо было предложить ей снять пальто; обычно, когда люди входят в дом, им предлагают снять пальто. В эту минуту я ощутил, что в комнате жуткий холод — влажный, пронизывающий, как в склепе. Включать котел я не умел, да и попробовать не хотелось; мне следовало уехать сразу после похорон. Я нажал третью кнопку и как раз успел к заключительному туру “Вопросов для чемпиона”. Когда Надеж из Валь-Фурре объявляла Жюльену Леперсу, что соби-

рается побороться за чемпионское звание в четвертый раз, на лестнице появилась Аиша с легкой дорожной сумкой через плечо. Я выключил телевизор и быстро подошел к ней. “Жюльен Леперс меня восхищает, — сказал я. — Даже когда ему ничего не известно о городе или поселке, откуда кандидат родом, он исхитрится сказать несколько слов о департаменте, о районе, климат хотя бы приблизительно описать, природу. А главное, он знает жизнь: кандидаты для него обычные люди со своими трудностями и радостями. Ничто из того, что составляет их реальность, ему не чуждо и не враждебно. Он умеет разговорить любого без исключения, и тот расскажет вам о своей профессии, семье, о своих пристрастиях — словом, обо всем, что составляет его жизнь. Кандидаты у него, как правило, либо поют в хоре, либо играют в духовом оркестре, участвуют в организации местных праздников, занимаются разными благотворительными делами. В зале часто сидят их дети. Создается впечатление, что люди счастливы, и оттого сам чувствуешь себя счастливее и лучше. Вы не согласны?”

Она посмотрела на меня без тени улыбки; волосы у нее были забраны в пучок, лицо почти не накрашено, одета скорее строго — серьезная девушка. Она постояла в нерешительности, потом сказала тихим, хриловатым от робости голосом: “Мне очень нравился ваш отец”. Я не нашелся, что ответить: ее слова показались мне странными, но, вполне вероятно, искренними. Старик многое мог рассказать: он путешествовал, бывал в Колумбии, Кении или где-то там еще; носорогов в бинокль видел. При встречах он только иронизировал, что я, дескать, выбрал чиновничье благополучие. “Тепленькое местечко”, — приго-

варивал он, не скрывая презрения; с родственниками всегда сложно. “Я учусь на медсестру, — продолжила Аиша, — но, поскольку я ушла от родителей, мне приходится подрабатывать уборкой”. Я ломал голову в поисках подходящего ответа; может, следовало ее спросить, сколько стоит жилье в Шербуре? В итоге я предпочел сказать: “Н-да...”, стараясь звучать как человек, знающий жизнь. Похоже, ее это удовлетворило, и она направилась к двери. Я приник к окну и увидел, как ее “Фольксваген-Поло” разворачивается на глинистой дороге. На третьем канале шел телефильм из сельской жизни — надо думать, девятнадцатого века — с Чеки Карьо в роли батрака. Дочь хозяина — хозяина играл Жан-Пьер Марьель — в перерывах между занятиями фортепьяно позволяла себе некоторые вольности в общении с обольстительным поденщиком. Встречались они в хлеву; я уже погружался в сон, когда Чеки Карьо решительно сорвал с нее трусики из органзы. Последнее, что я увидел, — это как камера скользнула на сбившихся в кучку свиней.

Проснулся я от холода и боли; как видно, я лежал в неудобной позе и теперь не мог повернуть шею. Поднимаясь, я сильно закашлялся: в ледяном воздухе дыхание превращалось в сгустки пара. К моему удивлению, по телевизору шла “Ловись, рыбка” — передача первого канала; стало быть, я просыпался или, по крайней мере, сознание мое прояснялось настолько, что я смог переключить программу — этого я напрочь не помнил. В передаче говорилось о сомах, гигантских рыбах без чешуи, которые из-за потепления климата все чаще встречаются в наших реках; особенно им

нравится селиться вблизи атомных электростанций. Репортаж усиленно развеивал расхожие мифы: взрослые сомы и в самом деле достигают трех, а то и четырех метров в длину, в Дроме якобы даже были замечены особи, превышающие пять метров, — это все вполне правдоподобно. А вот хищными их считают совершенно ошибочно, и на купальщиков они никогда не нападают. Между тем укоренившиеся в народе предрассудки распространяются и на любителей сомовьего лова; обширное племя рыбаков с предубеждением относится к их малочисленному братству. Ловцы сомов болезненно это воспринимают и надеются, что передача изменит представление о них. Да, конечно, с точки зрения гастрономической похвастаться им нечем: мясо сома ни в каком виде не пригодно в пищу. Но зато какая великолепная рыбалка: сравнимая в некотором роде с ловлей щуки, она развивает в вас интеллектуальные и спортивные качества одновременно и потому заслуживает большего числа поклонников. Я прошелся по комнате, но несколько не согрелся — о том, чтобы лечь в постель отца, не могло быть и речи. В конце концов я сходил на второй этаж за подушками и одеялами и, как мог, устроился на диванчике. На титрах к “Правде о сомах” я выключил телевизор. Стояла глубокая непроглядная ночь и такая же глубокая тишина.

2

Все когда-нибудь кончается, и ночь тоже. Из оцепенения, в котором я пребывал, подобно ящерице, меня вывел четкий звонкий голос капитана Шомона. Он извинялся, что не успел зайти накануне. Я предложил ему выпить кофе. Пока грелась вода, он раскрыл на кухонном столе ноутбук и подключил принтер. Таким образом, мои показания он сможет сразу распечатать и дать мне на подпись; я одобрительно крикнул. Жандармерия в наши дни перегружена административными хлопотами, и ей, увы, не хватает времени на исполнение своих первейших обязанностей — на уголовные расследования; такое впечатление я вынес из соответствующих телепередач. Он согласился, и даже с жаром. Одним словом, допрос начался в обстановке взаимопонимания и доверия. Радостно чирикнув, запустилась *Windows*.

Смерть наступила четырнадцатого ноября, поздно вечером или ночью. В тот день я был на работе, пятнадцатого тоже. Разумеется, я мог сесть в машину, приехать сюда, убить отца и в ту же ночь вернуться. Что я делал вечером и ночью четырнадцатого ноя-

бря? Да ничего вроде бы; ничего примечательного. Во всяком случае, мне ничего не запомнилось, а ведь и недели не прошло. У меня не было постоянной сексуальной партнерши, не было закадычных друзей — оттого и вспомнить нечего. День прошел, и ладно. Я сокрушенно взглянул на капитана Шомона: мне хотелось ему помочь, подсказать хотя бы направление поисков. “Сейчас посмотрю в записной книжке”, — засуетился я. Я не ожидал в ней что-нибудь увидеть, но, как ни странно, обнаружил записанный на четырнадцатое число номер мобильного телефона, а над ним имя: “Корали”. Какая еще Корали? Всякая ерунда понаписана.

— Голова совсем дырявая, — констатировал я, разочарованно улыбаясь. — Не знаю, может, я был на каком-нибудь вернисаже.

— На вернисаже? — Он терпеливо ждал, занеся пальцы над клавиатурой.

— Да, я работаю в Министерстве культуры. Готовлю документацию по финансированию выставок, иногда концертов.

— Концертов?

— Концертов... современного танца... — Я был близок к отчаянию, сгорал со стыда.

— Короче, работаете на культурном поприще.

— Ну да... Можно сказать и так.

Он смотрел на меня доброжелательно и немного серьезно. О существовании некоего культурного сектора он представлял, пусть смутное, но имел. По роду занятий Шомон встречался с самыми разными людьми, и никакие социальные слои не остались ему совсем уж чуждыми. Жандармы, они в известном смысле гуманисты.

Дальше беседа потекла по накатанному руслу; мне доводилось видеть нечто подобное по телевизору, и я чувствовал себя подготовленным к диалогу. Были ли у моего отца враги? Кажется, нет; о друзьях, по правде говоря, мне тоже ничего не известно. Что касается врагов, отец не такая *значительная* фигура, чтобы их иметь. Кому выгодна его смерть? Разве что мне. Когда я приезжал к нему в последний раз? Вероятно, в августе. В августе в министерстве делать особенно нечего, но коллеги вынуждены идти в отпуск из-за детей. Я же остаюсь на работе, раскладываю пасьянсы на компьютере, а числа пятнадцатого прибавляю денек-другой к выходным и в это время навещаю отца. Хорошие ли у нас были отношения? И да и нет. Скорее нет, но я ездил к нему раз или два в год — это уже неплохо.

Он кивнул. Судя по всему, дача показаний подходила к концу, а мне хотелось сказать еще что-нибудь. Я испытывал к капитану необъяснимую, безотчетную симпатию. Но он уже заправил бумагу в принтер. “Отец много занимался спортом!” — выпалил я. Капитан взглянул на меня выжидающе. “Нет, ничего, — пробормотал я, разводя руками от безысходности, — я только хотел сказать, что он много занимался спортом”. Капитан Шомон досадливо отмахнулся и запустил печать.

Подписав показания, я проводил его до дверей. “Понимаю, что разочаровал вас как свидетель”, — сказал я ему. “Свидетели всегда разочаровывают”, — ответил он. Некоторое время я обдумывал этот афоризм. Перед нами лежали бесконечно унылые поля. Усаживаясь в свой “Пежо-305”, капитан Шомон пообещал сообщать о ходе расследования. В случае смерти род-